

18+

ИЗМЕНА

ПРОСТИТЬ НЕЛЬЗЯ УЙТИ

Элис Карма

Элис Карма

Измена. Простить нельзя уйти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69334384

SelfPub; 2023

Аннотация

– Что это значит, Марат?! – дрожащими руками я протягиваю мужу телефон. Слёзы застилают глаза. В груди словно зияет кровоточащая рана.– Вера, успокойся, я тебе сейчас всё объясню. Мой муж не просто изменил мне, он завёл другую семью на стороне. Сегодня его молоденькая любовница родила дочку. Неужели все, кто говорил, что у нас нет будущего, оказались правы? И что ждёт теперь нашего сына, которого я ношу под сердцем. "Простить нельзя уйти" – как же понять, где поставить запятую, если цена ошибки – разрушенное счастье. В тексте есть:– измена- беременная героиня- сильные эмоции- откровенные сцены- ХЭ

Содержание

Пролог	4
Часть 1 «Градус кипения»	10
1.2	16
1.3	21
Часть 2 «Своя правда»	26
2.2	32
2.3	40
2.4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Элис Карма

Измена. Простить нельзя уйти

Пролог

Вера

«Девочка, три пятьсот, пятьдесят два сантиметра», – такое сообщение обычно приносит радость. Но не тогда, когда тайком приходит на телефон мужа. Наверное, я сама виновата, раз всё это время предпочитала не замечать очевидных вещей. Я верила отговоркам, закрывала глаза на поздние возвращения домой и не задавала вопросов. Я старалась не пилить и быть мудрее. Как результат – любовница моего мужа сегодня родила дочку...

***

Мы познакомились с Маратом, когда я училась в институте. Просто оказались в одной компании, и всё само собой закрутилось. Он был красивым и мужественным. Рядом с ним я чувствовала себя маленькой девочкой, его девочкой. Казалось, что он на сто процентов мой человек. Мы смеялись над одними и теми же шутками. Нам нравились одни и те

же фильмы и музыка. Мы могли целыми часами гулять по городу и просто болтать обо всем на свете. А после, вернувшись домой, созвониться и ещё полночи проговорить, пока моя соседка по комнате не начнёт ворчать.

Когда Марату пришла повестка в армию, все его друзья начали говорить, что нам лучше расстаться. Вроде как, я девочка красивая и общительная, значит, точно не дождусь. Но Марат меня знал лучше, а потому никого не слушал. Я проводила его и весь год, пока он служил, писала ему письма и звонила. Ни разу за всё это время я не дала повода усомниться в себе. А когда он вернулся со службы, подарила ему свой первый раз. Я тогда осталась у него на съёмной квартире. Мы долго лежали в обнимку, целовались, разговаривали в перерывах. Марат с мальчишеским восторгом рассказывал о смешных случаях, что с ним происходили во время службы. Я делала вид, будто не помню, что он уже делился со мной всем этим во время телефонных разговоров несколько месяцев назад.

Я чувствовала, как его стояк упирается мне в бедро. И мне казалось жутко милым, что вместо приставаний Марат ведёт со мной почти светские беседы. В какой-то момент он замолчал надолго и тогда я сказала:

– Мы можем сделать это если хочешь. Но это мой первый

раз, поэтому мне страшно.

– Мне тоже страшно, – ответил он и погладил меня по руке. – Как раз потому что это твой первый раз.

В тот момент я поняла, что люблю его по-настоящему, и едва ли в своей жизни встречу человека лучше, чем он.

И пусть коменда из моего общежития говорила, что мы не пара, я не обращала внимания. Кого вообще интересует мнение какой-то старой кошелки?

– Он татарин, а ты русская, – повторяла она. – Ты такая девочка хорошая, умная. Не тратила бы время. Всё равно его родня не даст вам пожениться.

Я была уверена, что всё это стереотипы. Ну, не могут люди в современном обществе мыслить такими устаревшими конструктами. Оказалось однако, что очень даже могут. Через полгода Марат привёз меня в родной город знакомиться с родителями. Я думала, что всё пройдет примерно как у нас – посидим вчетвером с мамой и папой, чай попьём с тортиком.

На самом деле же знакомство превратилось в настоящие смотрины с застольем и кучей родственников. Я видела, как

тётки Марата качали головой, глядя на меня, и обменивались фразами на родном языке. Я старалась не придавать этому значения. В конце концов, мне с ними не жить. Мы с Маратом любили друг друга и собирались пожениться. Его родители не возражали, хотя сразу же спросили про мою веру. Я ответила честно, что крестили меня ещё в детстве в православной церкви, особо не спрашивая моего мнения. Отец Марата сказал, что лучше бы мне принять ислам, чтобы не было споров потом, как крестить ребёнка.

– Вопросов и так не будет, – ответил ему Марат и обнял меня за плечи.

Наверное, именно его присутствие рядом и поддержка придали мне смелости.

Несмотря ни на что я сумела произвести хорошее впечатление на родню. Не зря ведь друзья Марата говорили, что язык у меня подвешен так, что любого заболтаю. Слово за слово, отец обмолвился про никах.

– Никах нужен обязательно, – закивал дедушка Марата. – Жениться вы ещё когда надумаете? А тут уже считай почти муж и жена. И всё по правилам – в мечети.

Я всё-таки немного оробела, когда он начал рассказывать подробно. Но Марат успокоил. Сказал, что это просто краси-

вый традиционный обряд, и мне самой понравится, как только увижу, какие для него бывают наряды.

Родственники говорили много про детей. Даже спрашивали, не беременна ли я. Мне это казалось забавным. Какие дети? Мы ведь были совсем ещё зелёными: я студентка, он только из армии. То, что нам нужно сначала встать на ноги, было ясно, как белый день. Отчего-то я думала, что раз даже я, мелочь наивная, беспокоюсь о таком, то взрослым это тем более очевидно. Сейчас, вспоминая об этом, я удивляюсь, как не обратила внимания на все эти тревожные звоночки. И почему не придала значение словам Натальи, одной из невесток Марата, супруги двоюродного брата. Та подошла ко мне, обняла и сказала:

– Будь готова, что к тебе постоянно будут придирааться и осуждать за то, за что татарку бы не стали.

В тот момент она мне показалась грубой и хабалистой бабой, сующей нос не в свои дела. На самом же деле, она говорила о том, через что прошла сама. Впрочем, даже если бы я тогда всё поняла, то едва ли отказалась от Марата. Ведь я любила его.

Друзья! Рада представить вам мою новинку! Поддержите её лайком, комментарием, и не забудьте до-

бавить в библиотеку. Всем приятного чтения!

Часть 1 «Градус кипения»

1.1

Четыре года назад

– Верунчик, побудь у сестры до семи, – я тебя после работы заберу.

Марат обнимает меня сзади и целует в макушку. От его прикосновений в голове мгновенно всплывают воспоминания минувшей ночи. Жар разливается по телу. Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Провожая мужа взглядом до двери. Смотрю заворожённо на его широкую спину и красивые длинные ноги. Если кто-нибудь спросит, почему я когда-то обратила на него внимание, мне придётся честно сознаться, что я купилась на его внешность.

– Люблю тебя, – кричит он уже на выходе.

Я машу ему рукой и улыбаюсь до ушей. Возбуждение проходит, но тепло в душе остаётся. Стараясь не витать в облаках и следить за временем, я собираюсь на учёбу. Немного напряжно, что после пар придётся проводить время с его взрослыми родственниками, но оттуда Марату удобнее меня забирать.

По настоянию бабушки и отца спустя три месяца после знакомства мы с Маратом обвенчались в мечети в присутствии его и моей родни. Как и говорил Марат, это был очень красивый обряд. Расписались мы спустя полгода после этого и почти сразу вернулись обратно в столицу региона. Марат восстановился в институте, и мы сняли квартиру, где теперь и живём.

– Вы малыша планируете уже? – спрашивает меня старшая сестра Марата, Эльвира. Я в ответ удивительно вскидываю брови.

– Так рановато нам пока, – отвечаю мягко, улыбаясь.

– Ну, как рано? – тоном эксперта произносит она. – Полгода прошло уже после свадьбы. Самое время.

Лёгкая дрожь раздражения пробегает по спине. Хочется ответить, что только её забыли спросить. Но надо выказывать уважение старшим. У нас всё-таки пятнадцать лет разница. Я выдавливаю из себя ещё одну улыбку.

– У меня диплом в этом году, да и у Марата пока какие-то непонятки с работой. То берут его в штат, то не берут, – говорю почти виновато. – И потом мне после выпуска тоже бы

не мешало поработать немного, чтобы декретные были нормальные.

– О, понятно всё с вами, – бросает она. – И чего женились тогда так рано?

Я, чем дольше её слушаю, тем сильнее градус возмущения внутри. Странная какая-то логика: жениться только, чтобы детей завести. А если, чисто гипотетически, пара не уживается под одной крышей. Ведь многие неприятные вещи именно в браке раскрываются, даже если за плечами есть опыт сожительства. Я уже молчу про тех, кто детей вообще не планирует. Просто живут всю жизнь вдвоём. Но видимо подобные экземпляры в поле зрения Эльвиры не попадают.

С приходом Марата разговоры на «женские» темы стихают. Как обычно сестра спрашивает про работу. Её муж начинает рассказывать о проблемах с автомобилем. Удивительным образом напряжение, что я испытывала эти несколько часов до его приезда, проходят. Я успокаиваюсь и забываю обо всём. Даже Марату не упоминаю, что такой разговор имел место. И, очевидно, зря. Потому что при следующей нашей встрече дома у свекрови Эльвира снова поднимает вопрос деторождения.

– А может, не получается у вас? – спрашивает она насто-

роженно.

Мы сидим вчетвером на кухне: я, она, Наташа и мама Марата. Все в ожидании сосредотачивают на мне своё внимание. Я невольно начинаю сутулиться.

– Что не получается? – спрашиваю я. Трудно поверить, что она снова о детях. С последнего разговора от силы месяц прошёл. Любой здравомыслящий человек поймёт, что я за это время не смогла бы закончить учёбу.

– Ребёночка сделать, – она смотрит на меня жалеючи, хотя я ещё ничего не сказала. Я заливаюсь краской. Становится жутко неловко. Тема, мягко говоря, личная. И я с ними не в таких близких отношениях, чтобы делиться подобным.

Свекровь хмурится и качает головой. Наташа отводит взгляд.

– Ты не переживай, если что, – Эльвира касается моего плеча. – Сейчас медицина чудеса творит. На работе женщина с мужем два года пытались и всё без толку. Врачи ставили бесплодие. Ничего – вылечили, недавно в декрет проводили.

– Да всё у нас хорошо! – отвечаю немного резко. – Мы просто и не пытались ещё. Я ведь говорила, что мы собира-

емся сначала на ноги встать.

Минуту-другую они переглядываются, видимо, не слишком довольные моим тоном. Напряжённое молчание прерывает свекровь.

– Вера, это хорошо, что вы думаете о будущем, – произносит она мягко. – Но слишком сильно не тяните. У отца Марата здоровье в последнее время не очень. Хорошо бы ему внуков-то увидеть.

– Да и здоровее ты с возрастом не становишься, – добавляет Наташа. – Даже если сейчас всё в порядке, не факт что через пару лет будет также. И чисто физически, чем ты моложе, тем легче рожать. Это я тебе по своему опыту могу сказать.

Понимаю, что объяснять и доказывать им что-то бесполезно, а потому просто киваю, как болванчик, на всё, что они говорят. При этом чувствую, что с каждой минутой теряю всё больше сил. Когда Марат с отцом и братьями возвращаются домой, я уже на грани истерики.

– Что такое, Верунчик? Кто обидел мою сладкую девочку? – спрашивает, замечая моё настроение. Я только качаю головой, не могу объяснить, что не так. Ведь никто мне, по

большому счёту, слова плохого не сказал. А я всё равно не могу никак успокоиться.

Только когда мы возвращаемся в нашу съёмную квартиру, я нахожу в себе силы рассказать Марату правду. Он внимательно слушает, а после начинает смеяться.

– И это всё? Я уж думал что-то серьёзное. Не слушай никого. Это не их ума дело.

Марат обнимает меня и прижимает к себе. Мне становится хорошо и спокойно. И пусть он не прав и простым игнором в моём случае не отделаешься, на какое-то время я забываю обо всем и снова кутаюсь в своё зыбкое счастье.

1.2

Два года назад

Я всегда думала, что сумею понять, если мной вдруг начнут манипулировать. Вроде бы когда ты наблюдаешь за подобным со стороны, то всё выглядит очевидным. До сих пор не понимаю, как я попала на этот крючок.

– Я думала, мне конец, – смеюсь, качая головой. – Меня так трясло, что я двух слов сказать не могла. Хорошо, что моя дипломный руководитель заметила, как я разволновалась. Смогла одним вопросом разрядить обстановку.

Мы с Маратом сидим за столом, вокруг полно родственников. Все поздравляют нас с переездом и новосельем. Пожалуй, только Эльвира молчит. После того как Марат с ней серьёзно поговорил, она вообще перестала со мной общаться. И всё было бы хорошо, если б она не распустила слух среди родственников, что я Марата настраиваю против них. Зная Эльвиру, купились, конечно, не все. Но градус напряжения на общих праздниках в моём присутствии явно повысился.

– Умница, Вера! – произносит свекровь с гордостью. – А то, что разволновалась, так это нормально. Всё-таки красный

диплом.

Я улыбаюсь в ответ. Марат приобнимает меня за плечи. Слышу краем уха, как на кухне тётки говорят меж собой, что от диплома сейчас ничего не зависит. И вообще, если уж преподаватели решили, что я на красный диплом иду, то в любом случае бы вытянули. Слышать такое обидно. Вдвойне обидно то, что они думают, будто я за два года так и не выучила татарский. Что за дурная привычка недооценивать других людей?

– Всё-таки хорошо, что вы сюда переехали, – говорит ещё одна тётя. – Удобно же, когда вся родня в одном месте. И бабушка рядом будет, когда дети пойдут.

Мы с Маратом переглядываемся. Он сжимает под столом мою руку. Понимаю, что все эти разговоры про детей триггерят его, как и меня. Может, даже ещё больше, ведь на нём, как на мужчине, больше ответственности. Например, за покупку квартиры. И пусть мы изначально с ним обговорили, что оба будем работать на первый взнос, спрос со стороны родни всё равно будет с него.

Равно как по ипотеке, по деторождению мы с ним пришли к единогласному мнению: чтобы ни говорили родственники, нет смысла даже пытаться раньше, чем у нас обоих появится

нормальная работа. В идеале Марат планирует дослужиться до такого уровня зарплаты, чтобы я могла в декрете не думать о деньгах. Наученные горьким опытом, планами своими мы не делимся. На словах соглашаемся, но делаем всё по-своему. В конце концов, почему я всё ещё не родила, интересует родню только, когда мы собираемся вместе. Во всё остальное время, им наша жизнь безразлична.

– Завод? – переспрашиваю я растерянно. Марат с улыбкой кивает.

– Это нефтянка, Верунчик, так что зарплаты там нормальные, – начинает он объяснять. – К тому же, у меня образование соответствует требованиям, так что я, немного поработав, вполне могу рассчитывать на повышение. Всё будет хорошо.

Марат обнимает меня. Смотрю на него, нервно покусывая губу. Он выглядит серьёзным и уверенным. Что ж, не доверять ему у меня нет причин. Муж всегда следует своему слову. Раз сказал, значит всё действительно будет хорошо. Вздыхаю и прижимаюсь к нему всем телом. Он, хитро улыбаясь, касается губами моей шеи. Будто опытный сапер находит на ней одну взрывоопасную точку за другой. Я судорожно выдыхаю и отпускаю последние напряжённые мысли.

Он опрокидывает меня на наш раскладной диван. Мои волосы беспорядочно рассыпаются на цветастом покрывале. Марат спускается от шеи к ключицам, а оттуда ниже к груди.

– Я люблю тебя, Вера, – шепчет он, тяжело дыша.

Я не успеваю ответить – его губы накрывают мои. Голову начинает кружить от эмоций, от дикой страсти, от нежности. Его ловкие пальцы расстёгивают пуговицы рубашки и раскидывают полы в стороны. Меня охватывает трепет. Родные тёплые ладони ложатся на грудь. Возбуждение приятной волной прокатывается по телу. Марат припадает к груди губами, ласкает нежно. Я зарываюсь пальцами в его волосы. Низ живота сводит от желания близости. Дыхание становится тяжёлым и частым. Тело охватывает дрожь нетерпения.

Тяну на себя его свитер, а за ним футболку. Касаюсь дразняще загорелой кожи, веду от лопаток вниз до поясницы. Марат рычит от нетерпения, трётся ширинкой у меня между ног. Ловит мои губы жадно целует. Я чувствую, как таю от каждого его прикосновения. В едином порыве мы снимаем с себя остатки одежды и отдаёмся друг другу без остатка.

Я чувствую его внутри, и каждый новый толчок приносит новую волну удовольствия. Стоны сами собой вырываются из груди. Мне так хорошо, что меня будто уносит куда-то в

другую реальность. Я цепляюсь за плечи Марата, царапаю ногтями. Мечусь, точно в бреду, пока наконец не достигаю самой вершины удовольствия. Понимаю, что муж тоже на грани, а потому продолжаю раскачивать бёдрами в такт. На мгновение мне приходит в голову мысль: «Что, если он не остановится сейчас?» Я люблю Марата и хочу от него ребёнка. Нашего с ним малыша! И если бы не все эти условности, то я была бы счастлива носить его. Всё заканчивается, как всегда, и мне становится немного грустно. Я успокаиваю себя тем, что мы оба молоды и у нас есть ещё куча времени и возможностей попробовать снова.

1.3

Около года назад

– Какая сладкая малышка! Агу-агу, иди-ка к тётё Вере!

Я протягиваю руки и Анютка, подруга, передаёт мне свою дочку. Девочке два месяца, и она уже вовсю улыбается и реагирует на людей. Даже у меня на руках держится очень спокойно, хотя обычно я с детьми не очень лажу. Стоит только взять кого-то на руки, как малыш начинает плакать. Марат в таких случаях шутит, что дети, как дикие животные, чувствуют страх. А ещё бы мне не бояться, если у меня на руках один из его драгоценных племянников, а его мать стоит рядом со мной с видом хранителя музейных предметов в эрмитаже. Анютка же вообще бесстрашная – отдала и пошла суету в доме наводить.

– Ты сама-то не хочешь ещё? – кричит мне из кухни. – Вон у тебя как хорошо выходит.

– Да как тебе сказать? – я немного теряюсь. – В целом, я не против. А с моей собачьей работой давно бы в декрет ушла. Но у Марата сейчас непростой период. Начальство поменялось. Короче, стресс и всё такое.

– Ну, так и сняла бы стресс, – Аня выглядывает в дверной проём и подмигивает. – Мне ли тебя учить?

– Нет, Ань, мы с ним договорились ответственно подходить к этому вопросу, – отвечаю я, кусая губы.

Анюткина дочка теребит мои волосы, пускает слюни мне на блузку и лепечет о чём-то своём. Я придерживаю её аккуратно, невольно касаюсь пушка на голове подбородком. От неё пахнет молоком и совсем немного детской присыпкой. В груди разливается странное, но в то же время приятное чувство.

– Ой, мудришь ты, подруга, – вздыхает Аня, качая головой. Подходит ко мне и забирает девочку. – Да, дочь? Мудрит чего-то наша тётка Верка!

Девочка отзывается на возглас матери. Аня сюсюкает и строит ей рожицы. Малышка улыбается в ответ. Я только вздыхаю. Наверное, она права, и мы слишком усложняем. Хотим быть ответственными родителями, а не уповать на то, что «раз дал Бог зайку, то даст и лужайку». Но, в конце концов, предусмотреть всё невозможно. Да и нет никакого стандарта, по которому можно было бы судить насколько ты ответственно запланировал беременность. Мы живём вроде небедно. Квартира хоть и в ипотеку, но своя. Стаж на работе

у меня имеется. А Марату вообще со дня на день обещают дать должность с отдельным кабинетом и секретаршей. Наверное, ведь можно уже?

– А у вас сразу получилось? – неожиданно для себя спрашиваю я.

– Можно сказать, что сразу, – кивает она. – Я просто посмотрела по календарю, когда нужно. Ну, и мы, на всякий случай, сделали несколько подходов, чтоб, как говорится, наверняка!

Анютка опять смеётся. А я почему-то краснею, хотя мы с ней раньше и не такое обсуждали.

– Ты, главное, расслабься, Вер, не суетись, – она смотрит на меня прищурившись. – А то я тебя знаю, краснодипломница ты моя. Слышала, что дети от любви появляются?

Я только вздыхаю и закатываю глаза. Аня провожает меня до двери и приобнимает одной рукой на прощание. Её малышка снова находит мои локоны и хватается за них.

– Вот я тоже не понимала раньше, что это значит, а потом как поняла... – её лицо расплывается в улыбке. – Ну всё, давай! Сестре поздравления мои передавай.

Я вообще не верю в приметы, но так выходит, что на свадьбе у моей двоюродной сестры, мы с Маратом ловим подушку-залетушку. Знакомые подтрунивают над ним, мол, готовься. А я ощущаю волнение. Вот так бывает в жизни, что когда чего-то хочешь, то начинаешь во всём искать знаки, верить во всякую бесполезную чушь. Поскольку свадьба проходит в другом городе, нас с мужем определяют «настой» к тётке. Она выделяет нам отдельную комнату, как супругам. Мне жутко неловко, но смотрю на свой женский календарь и понимаю, что сейчас идеальное время для того, чтобы зачать. Припираю Марата к стенке с вполне очевидными намерениями.

– Верунчик, ты сумасшедшая! – смеётся надо мной Марат. – Ты в курсе вообще, что не у нас сегодня первая брачная ночь?

– В курсе, – шепчу я, целую его в шею, расстёгиваю пуговицы рубашки в нетерпении. – Но разве мне нужен какой-то повод, чтобы хотеть заняться с тобой сексом.

Марат отвечает мне хитрой ухмылкой и расстёгивает сзади молнию моего платья. Дразняще проводит ладонью вдоль позвоночника, вызывая волну мурашек. Шёлк платья струится вниз, оставляя меня полуобнажённой в его руках. Я

прижимаюсь к мужу, ощущаю кожей его горячее дыхание. В мыслях пульсирует: «Неужели... неужели сегодня мы сделаем это?»

– Вер, – шепчет он мне, слегка прикусывая мочку уха. – Я не планировал разврат, так что у меня ничего нет с собой.

– Всё нормально, – отвечаю я и тянусь к его губам. – Сегодня можно.

Я убеждена, что это небольшое лукавство – ничто, по сравнению с тем большим счастьем, что нас ждёт. Мы в спешке скидываем с себя всё, что есть. Я тяну Марата на узкую кровать. И обвиваю ногами его бёдра. Выгибаюсь ему навстречу. Он толкается внутрь, и я закусываю губу, сдерживая страстный стон.

– Люблю тебя, – шепчу неистово. Чувствую его желание и трепет. Он мой, а я его. Вместе мы единое целое. Разве может у нас что-то не получиться?

Спустя несколько недель я в надежде делаю тест на беременность. Но к большому сожалению он оказывается отрицательным. Я не понимаю, что сделала не так. И хотя в одной единственной неудаче нет ничего такого, мне всё равно становится не по себе.

Часть 2 «Своя правда»

2.1

Марат

Отец меня всегда учил, что настоящий мужик всегда должен нести ответственность за свои слова и поступки. Раз назвал женщину любимой, то будь добр сделать её счастливой. Иначе грош тебе цена. Раз уж даже о семье толком не можешь позаботиться, то какие вообще с тобой можно вести дела?

Как только я увидел Веру, сразу понял, что она должна стать моей женой. Это было очень странно и удивительно. Мне ведь было всего двадцать. Я ни о чём таком не думал в природе. И, откровенно говоря, был тем ещё засранцем. Встречался и расставался с девушками без особого повода. Часто обижал их. Но после знакомства с ней – как будто отрезало. Кое-кто из родни посмеивался даже, что Вера меня приворожила. Будто люди сами по себе не меняются.

Просто мне хотелось стараться для неё. Создать с ней счастливую семью. Чтобы ни она, ни будущие дети не нуждались ни в чём. Так мужики устроены. Женщины умеют любить нежно и страстно. Они умеют показывать свои чув-

ства. Меня этому никто не учил. А потому я полностью повторял за отцом, который много работал и демонстрировал свои чувства, отдавая матери всю зарплату. Ничего такого странного в этом не было. По моим ощущениям у нас полстраны так живёт. Другая половина просто в разводе.

Я знаю, что Вера ценит мои старания. Понимаю, что она и сама старается не меньше моего, хоть подчас ей бывает очень непросто. Вера секретарь в суде. И когда она говорит, что из неё на работе вынимают всю душу, я ей верю безоговорочно. Оттого и стараюсь у себя на заводе ещё больше, лезу из кожи вон, чтобы показать свои уникальные знания и навыки. Нацелился на место главного технолога. Вышестоящее начальство уже обещает повышение.

– Верунчик, это что? – указываю зубной щёткой на розовую коробку в мусорке.

– Тест на беременность, – отвечает она, интенсивно натирая лицо одним из своих кремов.

– Ты беременна? – спрашиваю замерев. Странное волнение разливается по телу. Не знаю, как относиться к этой мысли. Мы вроде бы решили с ней повременить с детишками, пока не улучшим материальное положение. Хотя, в целом, я, наверное, был бы рад, если бы всё случилось.

– Он отрицательный, – отвечает Вера, обрывая мои фантазии. Выглядит при этом почему-то разочарованной.

– А, ну ладно, – киваю я и набираю воды в рот. Вера бросает на меня сердитый взгляд и быстро выходит из ванной.

Понимаю, что сказал что-то не то. Пытаюсь анализировать весь диалог и прихожу к выводу, что в задаче имеются неизвестные мне вводные данные. Иду к моей малышке выяснять, чем именно я её обидел. Нахожу её в постели в слезах. Дрожь пробегает по спине. Вера не из тех, кто будет просто так сырость разводить. Склоняюсь к ней, глажу по голове и целую. В первую очередь пытаюсь успокоить, а уже потом выяснить, что случилось.

– Верунчик, в чём дело? – шепчу на ушко, когда она прижимается к моей груди.

Она в ответ только мотает головой. Не хочет отвечать, видимо. Бойтся или стесняется. Пробую ещё раз проанализировать события. Она сказала, что тест отрицательный, а после этого расплакалась.

– Ты расстроилась, что не беременна? – вдруг осеняет меня.

Она замирает и осторожно заглядывает мне в глаза. Точно проверяет, как яотреагирую. Меня собственная догадка удивляет, но совсем неожиданной вовсе не кажется. На самом деле моя родня Вере с первого дня свадьбы присела на уши с этой темой. Не удивительно, что она её так остро начала воспринимать.

– Тебе опять Эльвира наговорила гадостей? – предполагаю я.

– Да при чём тут она? – Верунчик разочарованно отводит взгляд.

Понимаю, что облажался и не прошёл проверку. Быстро начинаю соображать, в чём ещё может быть дело. Возможно, ответ лежит на поверхности.

– Малыш, ты хочешь ребёнка? – спрашиваю осторожно.

Я ловлю её упрямый подбородок и заглядываю в лицо. Вера надувает щёки, морщится, пытается отвернуться. Ей словно бы стыдно за то, что она когда-то сама приняла решение подождать, а теперь передумала. Я качаю головой и смиренно вздыхаю.

– Дурочка, а почему мне не сказала?

В её глазах появляются слезы. Она обвивает мою шею руками.

– Я испугалась, вдруг ты не захочешь, – отвечает и прячет лицо в складках моей футболки.

– В смысле «не захочу»? Ты чего, Вер? Это же будет наш с тобой ребёнок! Как я могу его не захотеть?

– Но мы ведь потом хотели... – лепечет она, явно растерянная моей реакцией. Напридумывала себе чего-то.

– Да какая разница сейчас или потом? Если ты хочешь и чувствуешь, что готова, то я только рад. Рожать ведь тебе придётся. Я тебя в этом вопросе только морально и материально поддержать могу.

Вера поднимает на меня заплаканные глаза. Впервые за вечер я вижу в них надежду.

– Значит, мы можем ещё раз попробовать? – спрашивает со сдержанной улыбкой.

– Что попробовать? – зависаю я на секунду, но потом до

меня доходит. – А это... Ну, так в этом смысле я всегда готов. Ты же знаешь!

– Дурак! – Вера, смеясь, бьёт меня по руке, крадущейся ей под пижаму. Я внезапно хватаю её и начинаю целовать беспорядочно. Она визжит, хохочет и отбивается.

Позже ночью засыпая я думаю о том, что теперь мне нужно ещё больше поднапрячься. Ведь скоро наша семья станет больше.

2.2

– Поздравляю вас с повышением, Марат Ильнурович, – директор пожимает мне руку и провожает в новый кабинет. – Знакомьтесь вот, Альбина, ваш помощник. Она раньше у нас делопроизводством занималась, теперь будет помогать вам с отчётностью.

– Добрый день!

При нашем появлении низкая и полная девушка вскакивает из-за соседнего с моим стола. Смотрю на неё и не понимаю, чем она может мне помочь. Такая пустота и растерянность во взгляде, точно она в кабинетах заблудилась. Очевидно же, что она дочь или племянница кого-то из начальства. Очень сомневаюсь, что у неё есть соответствующее образование, чтобы иметь какое-то отношение к технической документации. Но делать нечего, не мной человек поставлен, не мне её и увольнять. Если будет сидеть тихонько и не мешать мне, то думаю, сработаемся и с такой.

Так я думал в самом начале. На деле же всё оказалось куда печальнее.

– Альбина Раисовна, вы если ничего не понимаете, так

какого чёрта вообще лезете?! – кричу на весь кабинет.

Она словно хомяк забивается в угол и смотрит на меня исподлобья. Глаза такие несчастные, виноватые. Мне становится не по себе оттого, что не сдержался. Я же обычно стараюсь решать проблемы мирным путём. Просто в этот раз она слишком уж сильно накосячила. Из-за этого завод едва не понёс огромные потери. Хорошо, что я заметил в последний момент и смог отыграть всё назад. Теперь вот придётся задержаться на работе.

– Простите, – одними только губами произносит она. – Меня теперь уволят, да?

– Я был бы счастлив, будь оно так! – отвечаю жёстко и вижу, как она начинает реветь.

– Марат, пожалуйста, не увольняйте! У меня мама больная. У неё кроме меня никого.

Падаю устало в офисное кресло. Не сказать, что её слёзы меня трогают. Не спохватись я, нас бы обоих выперли. Я больше удивляюсь, как она тогда без связей попала сюда.

– Вы осознаёте, что я теперь должен потратить своё личное время, чтобы всё исправить? – вздыхая спрашиваю я. –

То есть вместо того, чтобы пойти домой к своей любимой жене, я вынужден тут с вами сидеть.

– Мне очень жаль, – Альбина закрывает лицо руками и начинает плакать ещё сильнее.

– Клуша... – произношу я смиренно и берусь за исправления.

Проходит минут пятнадцать прежде, чем она успокаивается. Ещё десять прежде, чем подходит и спрашивает, чем помочь. Поднимаю глаза на неё, и с удивлением замечаю решимость во взгляде. Что ж, каждый заслуживает второго шанса. Я даю ей небольшую трудоёмкую задачу, которую она быстро выполняет. Выдыхаю немного. Надеюсь, не всё ещё потеряно.

– Клуша она и есть клуша, – вздыхаю, ковыряя вилкой салат.

– Не говори так про человека, – Вера бросает на меня строгий взгляд.

– Да я просто привык к тебе и теперь думаю, что все женщины должны быть такими же умными, – говорю я. Замечаю её выражение лица и спрашиваю: – А ты чего сердитая та-

кая? Женские дни, что ли?

Она отвечает мне просто убийственным взглядом. Потом бросает ложку на стол и уходит. Я опять не понимаю, что сделал не так. Вроде бы она обычно нормально реагирует на такие шутки. Потом я прикидываю, сколько времени прошло с нашей последней попытки зачать, и осознаю, что, возможно, шутка оказалась не такой уж шуткой. Убираю со стола и иду в комнату. Вера, завернувшись в плед, сидит на диване и смотрит в окно. Как назло у нас рядом с домом детский сад. Просто комбо, блин.

– Не получилось? – спрашиваю я, присаживаясь рядом.

– Не получилось, – почти обречённо отвечает она.

– Ну и ладно, – пытаюсь подбодрить её. – Скоро снова попробуем.

– А тебе лишь бы попробовать! – Вера вскакивает с места. – Полгода уже пробуем, Марат! А толку-то?!

В глазах Веры появляются слёзы. Ощущаю, как груз вины ложится на мои плечи. Знать бы ещё, за что.

– Вер, что я могу сделать? – спрашиваю я серьёзно.

– Оставь меня одну, – отвечает она разочарованно.

Кажется, прямо сейчас вести конструктивный диалог она не настроена. Моя милая огорчена и расстроена. И причина этих эмоций не подвластна только высшим силам. Но на них Вера не может выместить злость, а вот на мне очень даже. Вероятно, мне нужно просто смириться с этим.

Я поднимаюсь, беру бумажник и ключи и выхожу из дома. Первая мысль, что посещает меня – позвонить друзьям. Но я вдруг понимаю, что у меня сейчас нет настроения пить. А на трезвую голову общаться с кем-то у меня сейчас тоже вряд ли получится. В итоге еду к Эльвире, потому что живёт она ближе чем остальные родственники.

– Поссорились, что ли? – с порога спрашивает она, прищурившись.

– Почему сразу поссорились? – отвечаю угрюмо.

– Ты на лицо своё погляди. По-моему, всё очевидно.

Тяжело вздыхаю и иду вслед за сестрой на кухню.

– Дядя Марат! – племянник Ильяс бежит ко мне. Подхва-

тываю и подкидываю кверху.

– Мама, я самолёт! – верещит Ильяска, а Эльвира только качает головой.

– Иди-ка, в зале прибери, самолёт. А-то папа скоро придёт, а на полу места нет ступить.

Ильяс кривится немного, но под строгим взглядом матери уходит.

– Какой! – удивляюсь я, качая головой. – Рожицу строит ещё.

– Это он ещё при тебе слушается. А так обычно ещё спорит, характер показывает. Никакого сладу нет с ними. Так что радуйся, пока своих нету.

Я невольно поджимаю губы. Знаю, что не стоит выносить сор, но слова сами собой слетают с губ. Рассказываю Эльвире обо всём: о попытках завести ребёнка, о психозе Веры и ссорах. Сестра слушает и хмурится.

– Так может вам обследование пройти? – спрашивает, когда я замолкаю. – Запишитесь к специалисту на приём, он вам назначит все анализы. А там уже будет видно, в чём про-

блема.

Слова Эльвиры звучат как выход. Меня даже отпускает. Я возвращаюсь домой с надеждой. Обнимаю Веру полусонную в постели. Целую тихонько в макушку.

– Вер, Эльвира говорит, может, нам обследование пройти? – говорю неуверенно. Она замирает, а потом резко разворачивается ко мне.

– Ты что, рассказал ей обо всём?!

У меня вновь холод появляется в конечностях. Ну, сейчас-то что не так?

– Ты хоть понимаешь, что теперь вся твоя родня будет знать, что у меня проблемы?

– Да почему только у тебя-то? – удивляюсь я. – Это нас двоих касается.

Вера отвечает мне болезненным взглядом. Плечи её содрогаются, на глазах выступают слёзы. Вера, поднимается и уходит на кухню. Тяжёлый вздох вырывается у меня из груди. Я знаю, что опять получил незаслуженно. Но должен быть снисходительнее в трудный период. Остаётся надеять-

ся, что моей выдержки хватит для того, чтобы вынести это.

2.3

– Вер, что мне ещё сделать? – спрашиваю устало. – Я и так сдал уже все возможные и невозможные анализы. Ты ведь слышала, что доктора говорят – мы оба здоровы. Никаких отклонений нет.

– Надо попробовать другую клинику! – восклицает Вера с горящим взглядом.

Я тяжело вздыхаю. Виски сдавливает, кажется, опять начинается мигрень. По правде говоря, я уже начал уставать от всего этого. Моя жизнь в последние несколько месяцев закольцевалась. Всё начинается с того, что кто-то из знакомых Веры рекомендует ей какую-то клинику или крутого врача. Она снова загорается и начинает агитировать меня на обследование. Выбора у меня особо нет, потому я соглашаюсь. Веду её в эту новую клинику, город или область. Там вместе с ней прохожу ряд не самых приятных процедур. Но раз за разом мы получаем один и тот же результат: проблем с репродуктивным здоровьем нет.

В первый раз мы были рады услышать это. Однако после ещё одной неудачной попытки зачать, начали сомневаться в правильности результатов обследования. Сейчас же у ме-

ня почти не осталось сомнений. Проблема действительно не в здоровье. Но отчасти я понимаю одержимость Веры. Ведь если бы кто-то из нас был нездоров, то можно было бы пройти лечение. Даже диагноз бесплодие, как я узнал, на самом деле, не так страшен, как кажется на первый взгляд. В этом случае можно было бы попробовать ЭКО.

Из-за того что никаких проблем со здоровьем официально нет, у нашей постели фигурально собралась вся родня. Каждый норовит дать совет как, когда и в какой позе правильно. Я начал понимать Веру в её попытке дистанцироваться от родственников. В последнее время мне пришлось сильно ограничить свои встречи с ними, потому что, в конце концов, разговор скатывается к одной единственной теме, набившей оскомину на языке. И я молчу уже о том, что подобные разговоры в принципе довольно унизительны для меня, как для мужчины. Кто-то, кому просто повезло, кто вообще не прилагал никаких стараний, чтобы заделать ребёнка, начинает учить меня жизни.

Конечно, всё выбивает меня из колеи. И отсутствие какого бы то ни было выхода из ситуации только усугубляет внутреннее напряжение. По иронии судьбы единственным человеком, с которым я могу поговорить и получить какую-то поддержку оказывается Альбина. Она не учит меня жизни, не лезет мне в душу, не требует подробностей. Просто ино-

гда, когда совсем тяжело, говорит или делает какие-то безобидные глупости. Например, с невозмутимым видом начинает травить бородатые анекдоты или пародировать кого-то из начальства. Волей-неволей я отвлекаюсь и забываюсь.

– Марат Ильнурович, у вас всё хорошо? – Альбина спокойно смотрит на меня поверх своих очков.

– Да, всё в порядке, – бросаю я и прячусь за монитором.

Чувствую себя странно. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы мои коллеги или начальник думали, что у меня какие-то проблемы. Не хочется выглядеть слабым. Но я знаю, что Альбина спрашивает, потому что действительно тревожится. За те полгода, что мы вместе работаем, она не раз замечала за мной ошибки и просчёты. И каждый раз они были спровоцированы моими личными переживаниями.

– Если что-то не так, дайте знать, хорошо? – произносит она серьёзным тоном. Мне остаётся лишь кивнуть.

Не знаю, когда именно мне стало тяжело возвращаться домой. Из-за этой гнетущей атмосферы у меня никак не получается расслабиться. А это влечёт за собой недосып. От недосыпа я ещё больше нервничаю. И так круг за кругом будто снежный ком. Порой я просто мечтаю провести спокойно

хотя бы один вечер, чтобы не думать ни о чём. Я вспоминаю время, когда мы с Верой только поженились, какими счастливыми и беззаботными мы были тогда, и не понимаю, откуда всё пошло не туда.

– Может, попробуем альтернативную медицину? – спрашивает Вера из коридора.

От неожиданности бритва в моей руке невольно уходит в бок, оставляя на шее небольшой порез. Я ругаюсь чуть слышно и шиплю от боли. Вера же похоже воспринимает это на свой счёт.

– Слушай, чего ты сразу так в штыки воспринимаешь?! – отзывается она обиженно. Нам же ничего не стоит попробовать. Может, поможет.

– Поможет от чего? – слегка раздражённо спрашиваю я оборачиваясь. – Вера, мы с тобой не больны. Иногда не получается просто потому, что не получается.

Вера хмурится. Глаза её начинают блестеть. Но в последнее время я так часто видел её слёзы, что они почти не трогают меня. Я понимаю, что ей тяжело смириться с мыслью, будто что-то в своей жизни она не может контролировать. Но из-за этого её нежелания принимать действительность стра-

даю я.

– И что ты предлагаешь? – спрашивает она дрожащим голосом.

– Просто успокойся. Займись чем-нибудь. Найди себе хобби. Дети – это хорошо, Вера. Но, возможно, нам с тобой это просто не дано.

Я стараюсь говорить максимально спокойно и подбирать ободряющие формулировки. Однако у неё это почему-то вызывает настоящую истерику.

– А может, это всё потому, что ты просто не хочешь со мной детей?! – кричит она. – Ты поэтому был всё время такой спокойный?

– Нет, Вера, просто в этом звездце должен оставаться хотя бы один адекватный человек, – возражаю я. Но она будто не слышит.

– Конечно, тебе всё равно! Ты-то отцом хоть в семьдесят можешь стать. А моих ровесниц уже называют «старородящими».

– Блин, да ты вообще слушаешь, что я тебе говорю?! – я

невольно перехожу на крик.

– Не ори на меня! Это ты меня не слышишь! Я что, так много прошу у тебя? Я ведь сама плачу за все обследования.

– Естественно, мы ведь договаривались с тобой об этом. А я в свою очередь плачу за всё остальное.

– Ну, спасибо тебе большое за одолжение! Низкий поклон, – в её голосе появляются саркастичные ноты.

Понимаю, что если мы не прекратим сейчас, то закончится это очень плохо. Я уже чувствую себя отвратительно. Будто я не справляюсь с собственной жизнью. Выхожу из ванной и беру со стула первую подвернувшуюся толстовку.

– Ты куда собрался?! – кричит Вера мне вслед.

Я не отвечаю. Отчасти потому, что с ней бесполезно сейчас говорить, отчасти потому, что сам не знаю.

– Ну и катись! – бросает она и хлопает дверью.

2.4

Только на улице я понимаю, что не взял с собой ни ключи, ни бумажник. Поднимаю глаза на свои окна, раздумываю, стоит ли возвращаться. Прихожу к выводу, что не сегодня. Впервые за несколько лет хочется курить. В потёмках на детской площадке замечаю местную молодёжь. Иду к ним в надежде стрельнуть сигарету. Настроение и состояние не описать словами. Я впервые в своей жизни совершенно не вижу никаких перспектив впереди. Так наверное ощущает себя человек погрязший в микрокредитах, оформляющий новый, чтобы погасить предыдущий. Всё, чего мне хочется – хоть на время перестать чувствовать этот груз ответственности.

– Здравсте, Марат Ильнурович, – кивают мне парни.

Тянут руки для рукопожатия, прячут бутылку вина подальше от глаз. Я здороваюсь в ответ, спрашиваю сигарету, сажусь рядом, прикуриваю. Как-то сам собой заходит разговор про завод. Ребята спрашивают про работу и зарплату. Смотрят на меня с благоговением. Я вспоминаю время, когда сам был таким, как они. Мы с Верунчиком тогда только-только начали общаться. Думать о том времени невероятно приятно. Слово за слово, мотоциклы, футбол... Незаметно бутылка оказывается в моей руке. Я нахожу пятихатку

в кармане и отправляю самого быстрого до ларька за второй.

Меня уносит очень быстро. Я ведь не пью так-то. Из крутого чувака я быстро превращаюсь в душницу, пытающегося учить молодёжь жизни. Естественно, мои незрелые собутыльники быстро сливаются, оставляя меня одного. А я как раз в той кондиции, когда хочется задушевного разговора. Причём не с кем-то из родни. Всё, что они могут мне сказать, я знаю наизусть. Хочу, чтобы меня услышали и поняли.

Не могу точно сказать, как я оказался у дома Альбины. Помню, что мы с ней долго сидели на лавочке под цветущей сиренью. Я изливал ей душу, а она изо всех сил отбивалась от комаров. Даже особо не говорила ничего, просто слушала. Но мне было этого достаточно. Потом она позвала меня домой. Пьяной головой я рассудил, что раз идти мне больше некуда, то это не такая плохая идея.

Что именно сделал, я осознаю только утром, проснувшись с Альбиной в одной постели. Оглядываю всё вокруг и не могу поверить. Как я мог?

– Чёрт! – я хватаюсь за голову, которая впервые за долгое время чиста и свежа, будто лобовое стекло новенького автомобиля.

– Доброе утро, – смущённо произносит Альбина, глядя на меня заискивающим взглядом.

– Альбин, я это...

Пытаюсь найти слова, чтобы как-то объяснить всё ей, но в первую очередь самому себе.

– Я люблю тебя, Марат, – говорит она, пряча глаза.

– Прости, – отвечаю я, поднимаясь. – Это всё ошибка, Альбин. Ты ведь знаешь, я женат.

– Знаю, – шепчет она с дрожью в голосе. – Но я всё равно люблю тебя. С тех самых пор, как ты только пришёл к нам на завод. Я была так рада, когда меня к тебе назначили. Мне казалось, это судьба.

Слёзы катятся по её щекам. А у меня дрожь пробегает по телу от мысли, что Вера, наверное, сейчас с ума сходит. Начинаю одеваться лихорадочно. Чувствую себя настоящей падалью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.